

матери со стороны близких людей и знакомых, их горячее стремление помочь ей отстоять интересы ребенка и обеспечить торжество правды и справедливости. И поскольку судебные решения, которые признали правоту требований Романовой, были впоследствии отменены, столь понятное чувство сострадания к обманутой женщине не только привело этих людей вновь в стены судебного зала, чтобы оказать помощь суду в правильном разрешении этого спора, но и побудило других лиц подать свой голос в защиту правого дела.

С другой стороны, ответчик Николаев, так настойчиво и пока столь безуспешно отстаивавший свое понимание правды в этом многолетнем споре, тоже воспользовался своим правом расширить состав свидетелей и пригласил нескольких лиц, не допрашивавшихся при первоначальном рассмотрении дела. В результате доказательственный материал, представленный суду и подвергшийся тщательному и всестороннему исследованию в течение двух дней судебного разбирательства, значительно превосходит объем фактических данных, с которыми имел дело суд ранее.

Однако, прежде чем перейти к анализу тех многочисленных доказательств, которые были выдвинуты здесь перед вами, товарищи судьи, я полагаю необходимым остановиться на законодательной регламентации института установления отцовства в судебном порядке. Это позволит определить значение фактических обстоятельств, установленных в ходе судебного исследования, привести их в определенную систему, что, как я надеюсь, будет способствовать лучшему пониманию позиции моего доверителя.

Как известно, согласно ст. 48 КоБС РСФСР установление отцовства в судебном порядке возможно при совместном проживании и ведении общего хозяйства матерью ребенка, и ответчиком до рождения ребенка или при совместном воспитании либо содержании ими ребенка, или при наличии доказательств, с достоверностью подтверждающих признание ответчиком отцовства. Как видно из искового заявления Романовой, а также из ее объяснений в судебных заседаниях, она не выдвигает в качестве основания своих исковых требований совместное проживание и ведение общего хозяйства с Николаевым до рождения ребенка. Очевидно, истица понимает, что знакомство с ответчиком в течение ряда лет, неоднократные встречи с ним и даже близость с ним не могут рассматриваться как семейные отношения, наличие которых необходимо для установления отцовства судом по этому основанию. Сознывая вместе с тем,

что суд не может установить отцовство при отсутствии доказательств возможного биологического происхождения ребенка от Николаева, Романова стремится представить их совместную поездку в Молдавию в августе 1970 года как продолжение тех взаимоотношений, которые сложились у нее с ответчиком в предыдущий период. И коль скоро согласно заключению судебно-медицинской экспертизы отцовство Николаева в отношении дочери истицы не исключается, а зачатие ребенка произошло в середине августа 1970 года, Романова утверждает, что она родила ребенка от ответчика, с которым будто бы была в близких отношениях в указанный период. Таков первый тезис истицы, выдвинутый ею в обоснование своих требований и обязывающий нас с должным вниманием отнестись к исследованию и проверке фактических обстоятельств, связанных с пребыванием сторон в Молдавии в августе 1970 года.

Конечно, истица понимает, что биологическое происхождение ребенка от ответчика — необходимое, но недостаточное условие для установления отцовства судом. Если происхождение ребенка доказано, но отношения сторон в период его зачатия могут быть расценены как случайная связь, суд не вправе установить отцовство. Именно поэтому Романова настойчиво утверждает, что во время ее беременности ответчик не только своего отцовства не оспаривал, но и прямо его признавал. Таков второй тезис истицы: Николаев свое отцовство признавал, что подтверждается, по ее мнению, достоверными доказательствами. Позвольте напомнить вам, товарищи судьи, что именно это основание исковых требований Романовой было признано доказанным при первоначальном рассмотрении дела. Коль скоро это решение отменено, обстоятельства, связанные с «признанием» ответчиком своего отцовства, подлежат особо тщательной проверке и оценке.

Таков круг тех фактических обстоятельств, подтверждение либо опровержение которых должно определить выводы суда в решении по настоящему делу. Причем — и это я считаю необходимым подчеркнуть особо — для удовлетворения иска Романовой необходимо установление обеих групп фактов: как наличие физической близости между сторонами в период зачатия ребенка, так и обстоятельства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства.

Позвольте теперь перейти к анализу доказательств, представленных сторонами по этим основным вопросам: о характере отношений между истицей и ответчиком в августе 1970 года, когда был зачат ребенок, и о поведении ответчика в дальнейшем, во время беремен-

ности истицы, когда, по утверждению Романовой, Николаев недвусмысленно и определенно подтверждал свое отцовство в отношении ее будущего ребенка. В своем изложении фактических обстоятельств и доказательств, их подтверждающих, я намерен придерживаться той схемы событий, которая была выдвинута Романовой и обоснована в речи ее поверенного. Это позволит представить факты в одной и той же последовательности, но с разных, и притом противоположных, сторон, что будет способствовать уяснению позиций истицы и ответчика и облегчит, как я надеюсь, оценку степени их доказанности в результате проверки их в ходе судебного разбирательства.

Поскольку момент зачатия ребенка экспертиза относит к середине августа 1970 года, не указывая его более определенно (например, вторая декада месяца), следует полагать, что зачатие могло произойти 15–16 августа плюс-минус несколько дней, т.е. примерно 12–18 августа. Учитывая это обстоятельство, Романова стремится максимально «продлить» время пребывания в Молдавии и утверждает, что она находилась там с ответчиком с 1 августа вплоть до возвращения в Москву, которое, по ее словам, имело место не то 17, не то 18 числа. Николаев же настаивает на том, что они выехали из Молдавии 12 августа и на следующий день прибыли в Москву. Память человеческая, как известно, инструмент далеко не идеальный, особенно когда речь идет о событиях трехлетней давности, причем повествуют о фактах лица, прямо заинтересованные в исходе дела, в данном случае — истица и ответчик. Эту одностороннюю информацию необходимо проверить объективными данными, и, к счастью, такая возможность имеется. Нужно прежде всего учесть, что в Молдавии проводили свой отпуск не истица с ответчиком, а группа молодежи, в которую, кроме них, входили брат истицы Котов и приятель сторон Иваненко. По прибытии в Москву Николаев и Иваненко 13 августа встретились с их общим знакомым Гусевым, который пригласил их на завтра отметить день рождения своей дочери. Суд обозрел паспорт свидетеля Гусева и удостоверился, что день рождения его дочери действительно 14 августа. А на следующий день, 15 числа, Гусев и Иваненко провожали Николаева в Сухуми. Всеми этими данными бесспорно установлено, что группа молодежи находилась в Молдавии до 12 августа.

Здесь следует напомнить, что согласно записям в истории болезни Романовой на 3–7 августа выпадают дни периодического женского нездоровья, так что время возможных близких отношений

между сторонами, в наибольшей мере приближенное к периоду зачатия истицей ребенка, сокращается всего до четырех суток — с 8 по 11 августа. О характере отношений между сторонами в этот короткий промежуток времени имеются показания брата истицы, свидетеля Котова, который подтвердил версию Романовой о близости ее с ответчиком, и противоположное по содержанию свидетельство Иваненко, отвергающего такую возможность. Однако оценка этих взаимоисключающих показаний неожиданно облегчается благодаря истице и ее брату. Дело в том, что в Молдавии Романова ночевала в одной комнате, мужчины — во второй, причем в последней было всего два спальных места, так что Николаеву приходилось спать вместе то с Котовым, то с Иваненко. Давая объяснения суду, истица утверждала, что Николаев находился с ней в близких отношениях в те ночи, когда он должен был спать на одной кровати с Котовым, последний же показал, что в эти ночи ответчик к его сестре не уходил. Это существенное и притом неустранимое противоречие между истицей и ее братом, в совокупности со всеми другими обстоятельствами, позволяет прийти к совершенно определенному выводу: во время нахождения в Молдавии в августе 1970 года Николаев в близких отношениях с Романовой не находился.

Видимо, сознавая шаткость своей версии о зачатии ребенка в Молдавии, истица утверждала, что ее отношения с Николаевым продолжались и после возвращения из Молдавии. Однако эти ее объяснения были полностью опровергнуты. Поскольку по приезде в Москву она не виделась больше с ответчиком, она и не могла знать, что 15 августа он уехал на две недели в Сухуми. А в сегодняшнем судебном заседании выяснилось, что 16—18 августа, т.е. уже после отъезда Николаева в Сухуми, Романова находилась на даче Чубарева в Дорохове, где она оставалась в течение трех дней. Об этом показали свидетели Чубарев, Иваненко и Малявин. Но ведь эти дни — 16—18 августа — как раз середина месяца, когда, согласно заключению экспертизы, могло иметь место зачатие ребенка. Николаева же в это время в Москве уже не было! Следовательно, ни в Молдавии 8—11 августа, ни в Москве 13—18 августа ответчик не находился в близких отношениях с Романовой, а потому следует полагать, что биологическое происхождение ребенка истицы от Николаева должно считаться исключенным.

Хотя опровержение домысла Романовой о ее близких отношениях с моим доверителем в период зачатия ребенка в корне подрывает,

по моему убеждению, обоснованность ее исковых требований, я не считаю возможным ограничиться только этим. Ведь истица выдвинула и вторую версию, положив ее в основание своего иска, и теперь необходимо перейти к ее разбору. Эта версия о «признании» Николаевым своего отцовства столь же несостоятельна, как и вымышленная близость с ним в период зачатия ребенка. Посмотрим, какие же доказательства выдвинула истица в подтверждение этого мнимого признания, и попытаемся выяснить, в какой степени эта легенда выдержала испытания в ходе судебного исследования.

Необходимо прежде всего отметить, что первоначально в исковом заявлении Романова ссылалась на то, что Николаев дважды признавал свое отцовство: первый раз — до рождения ребенка, в беседе с врачом Малюгиной 28 декабря 1970 года; второй раз — уже после рождения ребенка, неким сотрудникам отделения милиции Докунину и Кондратенко. При рассмотрении дела в 1971 году эти лица не допрашивались. Казалось бы, после отмены решения 1971 года в порядке надзора Романовой следовало подкрепить свою версию о признании ответчиком своего отцовства показаниями указанных лиц. Однако в настоящем судебном заседании истица на это «второе признание» уже не ссылалась и на прямо поставленный вопрос: считает ли она необходимым вызов и допрос в качестве свидетелей Докунина и Кондратенко? — ответила отрицательно. Странная позиция, не правда ли: дело рассматривается вновь, причем суд надзорной инстанции предложил тщательно проверить обстоятельства, связанные с признанием ответчиком своего отцовства, а истица отказывается от вызова свидетелей, на которых сама указывала ранее. Это наводит на мысль, что истица никогда и не намеревалась всерьез доказывать это «второе признание» и ссылалась на эту легенду лишь в надежде укрепить таким образом свою позицию: ответчик свое отцовство признавал, а вот сколько раз он это делал — один раз или дважды — особого значения не имеет. Позвольте не согласиться с таким рассуждением. Ведь если ответчик подтверждал свое отцовство дважды, причем разным лицам и в разное время, а истица уклоняется от обсуждения столь важного обстоятельства, то такое ее поведение в значительной мере подрывает доверие ко всей этой истории с «признанием».

Возможно, однако, что доказательства признания отцовства Николаевым во время ее беременности столь убедительны и неоспоримы, что Романова считает излишним допрос дополнительных свиде-